

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяля vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяля vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

Домик на юге

Осторожно - дети! Инструкция по применению

Собирайся, мы уезжаем

Соня и Александра

Плюс один стул

Чужой ребенок

Счастливая семья

Терпкий вкус тутовника

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии *С.Груздева*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Марины Дорошенко

Трауб, Маша.

Т65 Счастливая семья : [повести и рассказы] / Маша Трауб. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-90641-3

Эта книга — сборник повестей и рассказов. Все они — о семьях. Разных — счастливых и не очень. О судьбах — горьких и ярких. О женщинах и детях. О мужчинах, которые уходят и возвращаются. Все истории почти документальные. Или похожи на документальные. Жизнь остается лучшим рассказчиком, преподнося сюрпризы, на которые не способна писательская фантазия.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-90641-3

Счастливая семья

ПОВЕСТЬ

*Посвящается
Джеральду Дарреллу*

Конечно, это была идея мамы. Она решила, что в квартире нужно срочно делать ремонт. Просто необходимо. И если не сделать, то всё. Она так и говорила — «всё», а что «всё» — не объясняла, только глаза закатывала. Ее «всё» могло означать землетрясение, конец света, наводнение и прочие бедствия.

— Может, в следующем году сделаем? — тихо спросил папа.

— А Сима? Где будет жить Сима? — ахнула мама.

Серафима, Сима — моя сестра. Ей пять лет. И до своих пяти лет она жила везде, оккупировав всю квартиру, включая мою комнату, папин кабинет и спальню родителей. Ей совершенно была не нужна своя комната — ее игрушки были разбросаны даже в коридоре. Собственно, Сима считала, что вся квартира — ее и она просто разрешила остальным

Маша Трауб

членам семьи поставить свои диваны, кровати и столы на ее территории.

— А мы куда денемся? — еще тише спросил папа.

— Не знаю, — отмахнулась мама, — что-нибудь придумаю.

Вот это мама умеет — придумывать так, что мало никому не покажется. Иногда я даже побаиваюсь ее фантазий. Впрочем, как и папа. И моя сестра. И бабушка. И дедушка. Никто не может предсказать, до чего она додумается в следующий раз.

Я хочу представиться. Меня зовут Василий, и не спрашивайте, почему меня так назвали. Ни в чью честь. Маме нравилось, что я один Вася на детской площадке, да и во всей округе. Мне двенадцать лет. Я люблю физику, алгебру, химию, биологию. Наверное, поэтому меня еще держат в семье за человека — ни папа, ни мама в этих дисциплинах ничего не понимают. Мама даже не может отличить по картинке членистоногих от многоножек. Папа ничего не понимает в графиках и функциях. Про дроби я уже даже не говорю. Мне кажется, что Сима больше понимает в точных науках, чем мои родители. Хотя иногда это раздражает: папа смотрит на ме-

Счастливая семья

ня с телячьим восторгом — все-таки я первый математик в семье гуманитариев, а мама лезет целоваться.

Это я к тому рассказываю, чтобы вы лучше представляли себе моих родителей. Они никогда не поступают так, как подсказывает логика. Им неведома теория относительности. Мама просто верит в прекрасное, а папа — пессимист. Он вообще ни во что не верит. Я верю в природу, числа и разум. Хоть какой-то. Но разум передается через поколение, так что природа отдохнула на моих родителях. Зато сполна одарила их чувствами и эмоциями. Если мама не размахивает руками, значит, у нее болят руки или спина. В принципе, она может вообще не говорить, только махать. Папа же обычно тихо бурчит. Так тихо, что приходится прислушиваться.

— У меня для вас прекрасная новость, — сообщила мама за ужином, и мы тут же перестали есть. Ее радостный вид не предвещал ничего хорошего. — На время ремонта мы переезжаем! Догадаетесь куда? Ни за что не догадаетесь!

— Это точно, ни за что не догадаемся, — согласился папа.

Маша Трауб

— Мы переезжаем на Корфу! — объявила мама, как будто речь шла о том, что мы летим на Марс в составе первой экспедиции.

— А поближе нельзя? — уточнил папа.

— Нельзя! Я уже все решила, это во-первых. А во-вторых, забронировала чудесный дом. И в-третьих, это будет интересно Васе. И Симе тоже полезно провести лето на море. Вася, ты обязательно должен прочесть Даррелла! Тебе очень понравится!

Про Даррелла у меня потом спросили раз двести, нет, триста. Каждый мамин или папин знакомый или знакомая, которые узнавали, что мы переезжаем на Корфу, считали своим долгом рассказать мне про Даррелла. Я говорил, что читал, что понравилось, но в конце концов мне это надоело, и я просто молчал и кивал. Почему-то от меня все ждали, что раз я мальчик и мне двенадцать лет, то я должен изучать лягушачьи икринки и интересоваться размножением богомоллов. Объяснять взрослым, что в моем возрасте в XXI веке уже даже размножением людей не очень прилично интересоваться, я не решался.

Мама наотрез отказалась говорить папе, в какое именно место мы едем. Это был сюрприз.

Счастливая семья

— Я нашла чудесный дом! — повторяла она, убеждая то ли папу, то ли себя.

— Хоть на севере или на юге? — Папа не рассчитывал на ответ.

— Не знаю. А какая разница? — удивлялась мама, как будто теперь речь шла о переезде в соседний подъезд.

— А где нашла? — не отставал папа.

— У чудесной женщины! — восклицала мама, как будто эта характеристика давала хоть какую-то гарантию, что дом, в принципе, будет.

Конечно, для мамы север или юг острова — совсем не принципиально. Вот уже несколько дней она упаковывала вещи, из-за чего одна комната стала нежилой — в ней громоздились чемоданы, картонные коробки, сумки, скотч и еще много всего нужного. Например, пупырчатая пленка для тарелок и других ценных предметов. Сначала я, потом и папа с Симой подолгу застывали над куском пленки и щелкали пупырышками. Папа рассказывал, что раньше он все упаковки шоколадных коробок общелкивал. Маму же эти звуки раздражали, и она боялась, что мы отщелкаем весь рулон пленки.

Маша Трауб

Ее метод сборов не отличался логикой — она подходила к шкафу, сдергивала блузку или юбку и, проходя мимо «упаковочной» комнаты, забрасывала вещь туда. Точно так же она бросалась лекарствами, Симиными игрушками, полотенцами и один раз собиралась зашвырнуть в комнату утюг и гладильную доску. Когда из вещей собралась внушительная куча, мама села их разбирать — часть она собиралась взять с собой, часть упаковать в коробки и отправить на время ремонта на склад.

Можно сказать, что матери у нас больше не было — мы питались в кафе, перезнакомились со всеми курьерами по доставке пиццы, поскольку мама сидела на полу в комнате и перекладывала вещи из коробок в чемоданы и обратно. Отдельно у нее стоял пакет для мусора, в который она складывала сломанные игрушки, разбитые чашки и прочий хлам — с ее точки зрения, естественно.

— Почему мне никто не помогает? — восклицала она и съедала целую большую пиццу, которую мы с папой собирались разделить на двоих. Папа брался за столовый сервиз, но отвлекался на пленку, предаваясь воспоминаниям о том, как посуду упаковывали в газет-

Счастливая семья

ную бумагу, газету же засовывали в обувь, чтобы не деформировалась, а бабушкин чемодан был обклеен картинками из журналов с внутренней стороны.

— А бабушкин торшер мы перевозили в ковре, — рассказывал папа. — Бабушка очень переживала, что его повредят при переезде, и согласилась только на ковер, который был снят со стены. Ковра ей было не жалко.

Моя сестра Сима таскала вещи, которые собирала мама, назад, в спальню родителей или в другие укромные уголки. Дожидалась, когда мама задумается, пережевывая пиццу, тихонько забирала свою юбку или плюшевого зайца и прятала за спину. В спальне тоже сложилась внушительная кучка из очень ценных вещей, которые сестра не могла доверить никому. В принципе, понять ее было можно — я тоже переживал за свою коллекцию монет, которую мама уже дважды переложила из одной коробки в другую.

— Андрюш! — иногда вскрикивала мама, и папа покорно шел в комнату. Этот крик означал, что очередная коробка заполнена и ее нужно подписать.

— А ты сама не можешь? — неосторожно спросил папа.

Маша Трауб

— У тебя почерк лучше. Пиши! — рывкала мама и диктовала перечень упакованных предметов.

Когда мама продиктовала: «Васина коллекция монет, мои драгоценности, духи, документы», — я не сдержался.

— Мама, может, не стоит так уж прямо писать, что лежит в коробке?

— Почему? — удивилась мама.

— Потому что сразу понятно, что брать.

— Да, ты прав. Нужно придумать что-нибудь обтекаемое. — Мама потянулась за очередным куском пиццы. — Давай напишем: «Очень нужные и важные вещи». Папа в это время зачеркнул первую надпись и принялся каллиграфическим почерком выводить новую.

— Пап! Пап!!!

— Что? — Папа вздрогнул. Он настолько привык слушаться маму, что иногда я начинаю за него беспокоиться.

— Посмотри, что ты написал!

— Что? Запятую не поставил? — разволновался он.

— При чем тут запятая? Мама хочет облегчить жизнь ворам!

Счастливая семья

— Да, действительно. Нужно написать что-то общее, — согласился папа и с тоской посмотрел на пиццу, которую доедала мама. — Давай просто напишем: «Вещи, разные».

— И как я пойму, какие именно? — воскликнула мама.

— Тогда не знаю, — сказал папа. — Придумай сама.

— Вот все на мне! Абсолютно! Почему мне никто не помогает?

— Потому что лучше тебя никто не сделает, — сказал папа почти честно. Но маме этого хватило. Она забрала у папы маркер, и вскоре в комнате появились коробки, на которых вообще нельзя было разобрать буквы — мама писала так, как пишут врачи в справках и рецептах. Еще она очень любит сокращения и аббревиатуры.

— Мам, что это значит? — спросил я.

На коробке было написано «С-да и пр».

Мама долго вглядывалась в надпись и наконец догадалась:

— Сковорода и прочее! Значит, там еще чайник, блендер, ну и что-то еще.

— А это что значит? — Я указал на коробку, на которой было написано «НБЖМД».